

The methods of this analysis are based on the context of cognitive linguistic paradigm. The cognitive linguistic paradigm is the leading domain of linguistic nowadays that deals with the phenomenon of concept. Due to the same analysis the following elements are found and considered. For Ukrainian concept “wisdom” linguistic representation are highlighted such semes as ‘intellect’, ‘cunning’, ‘experience’ and ‘ambiguity’. For French culture there are such semes: ‘common sense’, ‘docility’, ‘modesty’ and ‘innocence’. For correct translation from Ukrainian into French and from French into Ukrainian is vital to take into consideration the specific elements of concept „wisdom” represented in Ukrainian and French worldview. As the result of the following analysis we can determine that the concept „wisdom” differs much in the worldview of the ordinary Ukrainian and French. For the representative of Ukrainian mentality wisdom is associated with intellect, experience and cunning. As for representative of French mentality the above concept is characterized by common sense, modesty and virginity. These are the ethnic peculiar components in both languages that drastically differ from one another. It means that for correct interpretation of the shades of meaning it is important to consider difference in perception of concept “wisdom” in the above linguistic cultures.

Key words: lexical meaning, semantic structure, translation, linguoculture, concept, emotive seme, cognitive linguistics.

*Стаття надійшла до редакції 15.01.2013 р.
Прийнято до друку 24.01.2013 р.
Рецензент – к. філол. н., доц. Должикова Т. І.*

Г. М. Шипицына (Белгород, Россия)

УДК 81’373.6

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Социальные проблемы народов современных восточнославянских государств России и Украины во многом общие в связи с общностью предшествующего длительного периода проживания и взаимодействия русского и украинского населения. Безусловно, важно и то, что русский и украинский языки исходят из единого праязыкового источника – древнерусского языка, некогда функционировавшего на территории Киевской Руси. Эти факторы обусловили некоторые общие черты в ментальности двух родственных народов и в том числе сформировали общую прагматику в отношении к некоторым социальным порокам.

В данной статье мы рассмотрим особенности отражения в генетической памяти русского народа его отношения к вопросам

взяточничества, мздоимства сквозь призму этимологии и семантики языковых средств. Полагаем, что наше исследование относится не только к русскому языку, но, вполне возможно, что и к языку украинскому, поскольку исследование проводится в лингво-историческом аспекте, затрагивая периоды проживания носителей этих языков в едином социуме.

Основная цель данной статьи: на материале слова *кормление* и его системного лексического окружения, а также фразеологии (в широком ее понимании), показать, какие этноязыковые и собственно языковые факторы помогают осмыслить неистребимость в нашем обществе такого социального порока, как мздоимство, преступное обогащение чиновников, крупных и мелких начальников различного статуса за счет поборов с населения и людей, зависящих от мздоимца в каком-либо отношении. Начнем же своё исследование с определения общих методологических проблем лингвистики, которыми руководствуемся в анализе языкового материала.

Как известно, под влиянием меняющихся условий жизни носителей языка обновляются значения слов и словосочетаний, поэтому лингвисты стараются зафиксировать в словарях значения слов, характерные для той или иной эпохи. Для отражения языка прошлых эпох создаются исторические словари на основе текстов (письменных памятников) соответствующих периодов, а для фиксации современных значений языковых средств изучаются устные и письменные произведения современной речи. Современники могут наблюдать язык в его повседневном функционировании и наиболее точно определять семантику слов, исходя из реалий жизни. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения понимания семантики слова новой эпохи на старую, поскольку оно может восприниматься в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова, а также нового ореола его смыслов и прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов развития языка скорее закономерна, чем случайна, о чем предупреждали выдающиеся лингвисты прошлого. В частности, В. Виноградов писал об этом так: „история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности” [Виноградов 1995: 27]. Академик приводит пример со словом *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве*: люди его времени (годы жизни В. Виноградова 1894 – 1969) понимали это слово как „разновидность воровства, преступное обогащение с использованием своей должности, мироедство”.

Такое понимание этого слова в приведенном и ему подобных других контекстах не только сохранилось со времени жизни В. Виноградова, но стало единственно возможным в настоящий период развития нашего языка, фокусирующего мировоззрение, ценности и

состояние культуры нашего общества. Это обусловлено, с одной стороны, идеологическими факторами современного мышления носителей русского языка, отражающего реалии настоящего с его коррупционностью и частой безнаказанностью воровства и поборов всяческих начальников, то есть преступного „кормления” от должности у чиновников и управленцев различного ранга. С другой стороны, данное понимание семантики слова *кормление* спровоцировано и чисто языковыми причинами, которые и составляют предмет данной статьи.

Прежде всего нужно отметить такой факт: на современное восприятие слова *кормление* оказывает свое мощное воздействие корень этого слова (*корм-*) как основной репрезентант семантики всего родственного гнезда слов с этим корнем. Этимологическое же значение слова *корм* (из праславянского *кърмъ*) – „обрезок, нарезанное”. Дальнейшее смысловое развитие этого корня: „что-либо отрезанное” → „отрезанная доля пищи” → „полученная еда, пища” [ЭССРЯ 2010]. У слова *корм* живая внутренняя форма (*внутренняя форма* в понимании А. Потебни, то есть исходный смысл, унаследованный производным словом (или его значением) от производящего). Она представлена в свободном корне, то есть способном употребляться без аффиксов и потому надежно удерживающим внутреннюю форму в активном восприятии её смысла носителями языка. Поэтому синхронное словообразование вполне закономерным сочтет образование слова *кормление* от глагола *кормить* в значении „давать пищу”.

В действительности же слово *кормление* образовано от слова *корма* в значении „задняя часть судна”. Родственные слова: *кормило* – „руль у судна, подвешенная к корме лопасть” [СлРЯ XI – XVII: 319]; *кормчий* – „управляющий ходом судна” [Там же: 327]; *кормщик* – „рулевой на судне” [Там же]; *кормильство* – „управление, руководство, наставление” [Там же: 319]; словосочетание *кормчая книга* – „сборник правил, законов для управления чем-либо” [Там же: 327]. Так что на самом деле слово *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве* обозначало „управление”, а не „преступное обогащение”. Поскольку это словосочетание перестало употребляться, сознание носителей языка постепенно подменило его внутреннюю форму с опорой на омонимичный корень слова *корм* (вместо *корма*) по той причине, что слово *корм* гораздо частотнее по употреблению и активнее в языковом сознании носителей языка, так как не ограничено специальной сферой употребления, как это наблюдается у слово *корма*, функционирующее в морской сфере и в транспортной сфере вообще.

Внутренняя форма слова *корма* очевидна, если ее связать с неосновным значением этого слова „управление”. Гораздо интереснее развитие семантики самого слова *корм* и глагола *кормить*, совместивших в себе казалось бы такие не связанные друг с другом значения, как „давать пищу” и „управлять, руководить”. Однако академик В. Виноградов о подобных случаях писал так: „Соотношение значений в

современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда включают в себе диахронические отложения прошлых эпох” [Виноградов 1995: 15].

Понимание семантики слова *кормление* (*бояр*) как „мздоимство, преступное обогащение от поборов с населения” спровоцировано воздействием словообразовательной системы с регулярным образованием от глаголов отвлеченного имени существительного с суффиксом *-ени(е)*, продуктивным в этой функции (сравн. *стареть* → *старение*, *двигать* → *движение*). В прошлом была продуктивной и регулярной именно эта модель, а вот примеров образования имен существительных с суффиксом *-ениј-*, а также с суффиксом *-иј-*, непосредственно от имен существительных мы не нашли. Так что имя существительное *кормление* мотивировалось глаголом *кърмити* со значением „править, стоять у руля”, производным от имени существительного *кърма*. Примеры того же словообразовательного типа: *бракъ* → *брачить* („венчать”) → *брачение*, *баня* → *банить* („мыть, чистить”) → *бание*.

Кроме того, современное понимание семантики слова *кормление* (*бояр на воеводстве*) только как „мздоимство и преступное обогащение” обусловлено архаизацией неосновного значения этого слова, актуального для Руси XIII – XVI веков, „система вознаграждения бояр, осуществлявших судебные-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности” [СРЯ]. В словаре В. Даля одно из значений слов *кормление*, *кормеж*, *кормка*, *корм* определяется так: „жалованье, содержание отъ казны, и самые мѣста, должности внѣ столицы, помѣстье, волость или городъ, и посылка чиновниковъ на управление ими” [Даль 1978 – 1980: 165]. *Кормленье с боярскимъ судомъ* означало „мѣсто съ правомъ суда и расправы”, где „вмѣсто жалованія правительъ взимал пошлину”, Примеры: *Поехаль на кормежь, на доходное мѣсто; посадить кого на кормъ* – „дать доходное место” [Там же].

Это значение у слов *кормление* и его вариантов утратилось, пребывает лишь в архивном фонде языка, но безусловно оно оставило свой след в генетической памяти народа, тем более что денотативная основа его семантики осталась неизменной: управленцы территорией обычно продолжали от ее населения „кормиться”, хотя такое право для них законами уже не предусматривалось. Более того, сегодняшняя картина преступной деятельности управленцев дает немало примеров того, как на любом поприще чиновники и даже руководители небольших коллективов, учреждений изобретают способы обогащения *кормлением*, напр., директор одной из московских школ (некто Петров) поборами от родителей учеников и махинациями с заработной платой учителей своей школы смог довести свое благосостояние до поражающих воображение огромных размеров (об этом сообщалось в программе „Новости” по первому каналу передач российского телевидения 25 июля 2011 года).

Факт сам по себе удивительный, поскольку школьное образование до сих пор вроде бы находилось в стороне от процессов мздоимства и воровства.

Итак, в современном значении слова *кормиться* проступают и его диахронические смыслы. Значения двух действий – „управлять чем-либо (территорией, коллективом подчиненных, учреждением или кораблем)” и „кормиться от этого управления” (то есть „нечестно добывать средства для своего обогащения”) – были омонимичными значениями, но в определенный исторический период слились в единую лексему как связанные между собой лексико-семантические варианты одного и того же слова, эмплцированные в многочисленных сочетаниях слов. Характерный пример – слово *кормити*. В „Словаре русского языка XI – XVII веков” приводится два омонимичных слова. *Кормити*¹ [СлРЯ XI – XVII: 320 – 321]; с пятью значениями, из которых два значения связаны со смыслом слова *корм* как „еда”: „давать пищу, вскармливать, угощать” (есть примеры в пословицах *Басни соловья не кормят, Вас кормит море, а нас томит горе*). Значение № 3 – „содержать, обеспечивать едой, кормами”, пример: *Въ Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати* (Новгородская летопись, 1618 г.). Значение же № 4 „иметь на «кормлении», содержать кого-либо за счет поборов, обложения” и значение № 5 „давать жалованье, платить чем-либо” демонстрируют некоторый отрыв от первой группы значений. При этом от семемы *кормити* № 4 образованы слова *кормление, кормленский, кормленщикъ*. Слово *кормление* в древности имело весьма широкий семантический объем, в русле которого функционировало и такое употребление: *кормление* как способ содержания княжеских и государевых людей за счет поборов с местного населения; административно-территориальная единица, подати с которой (денежные и натуральные) обеспечивают материальные нужды управленцев соответствующей территорией. Пример: *Пожаловал есми Келаря Петровича въ Мещерѣ городом Елатьюю ... в кормленьє съ мыты, и с перевозы, и со всѣми намѣстничьи доходы, и съ пошлинами* (1589 г.). У слова *кормленский* значение „полученный в «кормление», на содержание должностных лиц за счет поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу”. У слова *кормленщикъ* значение „лицо, получившее определенную территорию в «кормление», живущее на полном содержании за счет всяческих поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу”. Пример: *Взято на Москвѣ в Устюжскую четверть кормленщиком на жалованье у приказчиковъ вашихъ ... оброчных денег двестѣ девят рублев* (1608 г.).

Семантика „кормиться от населения за счет поборов и налогов в свою пользу” была закреплена в целой группе устойчивых сочетаний: „Дать кому-либо что-либо в кормление” (*А въ Новѣгородѣ прихаша князь Патрикий Наримантовичь, и прихаша его новгородци и даша ему въ кормление Орѣховъ городъ* (Новг. летоп.); „держати кормление, сидѣти

по кормлениемъ” (*Бояре и князь и дѣти боярские сидѣли по кормлениемъ по городомъ и по волостемъ для росправы людемъ и всякого устроения землямъ и собѣ отъ служебъ для покою и прекормления* (Ник. летоп.); *Кормленая печать* – „печать, скрепляющая документ, дающий право на содержание, обеспечение «кормлениемъ»”; *дати кормлю* – „дать право на поборы, «кормление» с какой-либо территории”; *кормовая грамота, кормовые деньги*.

В единой звуковой оболочке в прошлом многозначного слова *кормление* переплетаются значения „обеспечиваться натуральными продуктами, содержанием, деньгами и т. п.” и „управлять, направлять, рулить”. Отсюда появились как многозначность многих слов с корнем *корм*, так и наличие слов-омонимов. Амплитуда колебаний семантики их внутренней формы развивается по метонимической модели полисемии в направлении: *корм* (пища) → *корм* (содержание) → *корм* (управление территорией с правом обеспечивать удобное для себя содержание поборами с населения) → *корм / корма* (управление судном). Поскольку последняя составляющая этой модели характеризуется отрывом от ядерной архисемы со значением „пропитание”, эта семантика организует омонимичный вариант группы слов, номинирующий объекты управления судном: *корма, кормило* (руль у судна), *кормити*² (управлять кораблем), *кормник, кормиций, кормчий, кормицик, кормовицик*² (рулевой на судне, а также старший в промысловой (рыболовной) артели), *кормовое* (судно), *кормчая* (книга), *кормицичий* и другие [СлРЯ XI – XVII: 321 – 328]. Слово *кормило* в значении „средство, устройство для управления” сохранилось в архаичном фразеологизме высокого стиля у *кормила правления (власти)* – „стоять, быть во главе управления чем-либо” [ЭССРЯ 2010]. Интересно, что заимствованное из голландского языка слово *руль* со значением „устройство для управления движением транспортного средства” по аналогии со словом *кормило* приобрело такое же символическое значение „обладать властью, играть руководящую роль”, активизировавшееся в советский период, напр., *Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля* (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин). То же у производных слов от слова *руль*: *Партия – наша надежда и сила, Партия – наш рулевой* (песня В. Мурадели на стихи С. Михалкова «Партия – наш рулевой»). В этом же символическом значении слово продолжало употребляться и в постсоветский период: *В условиях глубочайшего экономического кризиса у руля державы должен стоять не ученый-теоретик, а практик, который сможет убедить тех же ученых на время спуститься на землю и в одной упряжке хоть как-то оттащить Украину от последней черты* (СПб Эхо. 28. 10. 1992 г.).

Пример семантического развития слова *кормление* иллюстрирует тот факт, что языковые процессы развития многозначности слова отражают исторически мотивированное восприятие этого слова сознанием народа, а также изменения в этом восприятии, обусловленные

меняющейся картиной мира. Известно, что в каждом национальном языке так или иначе проявляется мировидение народа, его народная картина мира, и это проявление влияет на формирование ценностей и культуры народа. Семантические и прагматические смыслы слова можно рассматривать как своеобразный источник концептуально значимой социокультурной информации, транслируемой языком. Умозаключение, лежащее в основе исходной семантической структуры слова и его этимоне, глубоко прагматично. Языковые средства сохраняют и передают от поколения к поколению проверенную жизненными практиками житейскую мудрость, которая особенно убедительна потому, что основывается на образах знакомых, обыденных, отражающих стереотипы ближайшей культурной среды. Ментальная составляющая в семантике слов формируется в самой гуще народа, затем воспроизводится и тиражируется на протяжении длительного времени, уходя своими корнями в глубь веков. Однако функции языка не ограничиваются только отражением действительности. В определенном смысле язык навязывает человеку не только форму креативной категоризации мира, но и нормы общественного бытия и социального поведения, поскольку произнесенное слово воздействует на общество носителей языка всеми своими ментальными и прагматическими смыслами.

Истоки национальной ментальности проступают через семантические отложения разных эпох не только в словах, но и в наиболее архаичных языковых единицах языка, к которым относятся разного рода народные афоризмы, устойчивые сочетания слов, особенно пословицы и поговорки (паремии). Паремия является ценнейшим объектом лингвокультурологического анализа, потому что в ней в наибольшей степени реализуется кумулятивная функция как культуры, так и языка. Поэтому необходимо обратиться и к этому материалу.

И вот что интересно: если по самым разным порокам общества и отдельных людей, практически по любым (воровство, предательство, обман, лезть, лень, пьянство и т. д.) в корпусе нашего языка существует обилие паремий, со всех точек зрения оценивающих и осуждающих эти пороки, то по теме „коррупция, взяточничество” (устаревший синоним этого слова *мздоимство*) их количество ничтожно мало. Изучив состав многочисленных сборников народных пословиц и поговорок, примеров к словам *взятка*, *мзда*, производных от них слов и их синонимов в различных словарях, мы нашли всего одну поговорку (в сборнике И. Снегирева „Русские народные пословицы и притчи”, впервые изданном в 1848 году): *Мзда и мудрых ослепляет, а немудрых погубляет*. В словаре В. Даля есть примеры, объясняющие ситуацию мздоимства весьма спокойно, без всякого осуждения этого социального зла: *Въ землѣ нашей мздоимствуется, по обычаю; Всякъ трудъ мзды своей достоин; Мзда не лихва* [Даль 1978 – 1980: 324]. (*Лихва* – „избытокъ, излишекъ, корыстные, вымогательные барыши”). Пример в этом же словаре: *Лихва*

да лести – дьяволу честь [Там же: 257]. Получается, что в народной картине мира у взяточничества отсутствует ореол осуждения, оно представляется как нормальное деяние, приравнивается даже к обычаям народа, особенно если речь не идет о *лихве*. Более того, на эту тему мы нашли две поговорки, в которых дано своеобразное объяснение необходимости взяток путем отсылки к простому и ясному для всех образу движения: *Не подмазано – не катится* и *Не подмажешь – не поедешь*. Смазка колес в прошлом – это необходимое действие в подготовке к дороге, без подмазки колес экипажа его движения не будет. Этот образ перенесен на движение не только экипажей, но и вообще всякого дела. Взятничество всесильно: *Когда деньги говорят, правда молчит; Если золото всплыло, правда потонет; Стоит крикнуть, да денежкой брякнуть, так все и будет*. В данных поговорках речь идет не о моральных принципах социума, а о конкретной модели поведения, которая позволяет самым быстрым и главное – абсолютно надежным способом решить всякую проблему. Прагматическим аспектом значения в этих поговорках провозглашается нормальное и привычное в обществе поведение людей как важная составляющая общенародной картины мира. Видимо, неслучайно Александр Герцен в свое время сказал: *Если бы в России строго выполнялись все законы и никто не брал бы взяток, жизнь в ней была бы совершенно невозможна*.

В качестве вывода мы предлагаем следующее умозаключение: лексикон и фразеология русского языка свидетельствуют о том, что в ментальности нашего народа не было сформировано непринятие взяточничества и мздоимства как постыдных, недопустимых социальных пороков. Фактически и сколь-нибудь заметного ореола осуждения этих пороков в языковом материале прошлых эпох не просматривается.

Литература

Виноградов 1995 – Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // *Вопр. языкознания*. – 1995. – № 1. – С. 5 – 37; **Даль 1978 – 1980** – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Даль. – М. : Рус. яз., 1978 – 1980. – Т. 2. – 1979. – 779 с.; **СРЯ** – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981 – 1984. – Т. 1 – 4; **СлРЯ XI – XVII** – Словарь русского языка XI – XVII вв. – Вып. 1 – 28. – М. : Наука, 1975 – 2008. – Вып. 7 (К – КРАГУЯРЬ) / сост. В. Я. Дерягин, О. И. Смирнова, Г. П. Смолицкая и др. ; гл. ред. Ф. П. Филин ; Акад. наук СССР ; Ин-т рус. яз. – 1980. – 404 с.; **ЭССРЯ 2010** – Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М. : Флинта : Наука, 2010. – Т. 1 – 2.

Шипіцина Г. М. Історико-лінгвістичний погляд на соціальні проблеми сучасності

В історико-лінгвістичному аспекті в статті розглянуто семантику слів з прадавнім коренем *корм* (*кормление, кормильство, кормёж та ін.*) зі значенням „здирицтво, хабарництво”, а також їхнє системне лексичне оточення й корпус народних паремій та афоризмів. Автор доходить висновку, що в лексиконі й фразеології російської мови немає мовних засобів з прагматикою засудження й неприйняття такого соціального пороку, як хабарництво. Можливо, у генетичній пам’яті народу зберігається слід семантики словосполучення „годуватися від посади” як права чиновників на побори від населення.

Як висновок запропоновано таке: лексикон і фразеологія російської мови свідчать про те, що в ментальності російського народу не було сформовано неприйняття здирицтва й хабарництва як ганебних, недопустимих соціальних пороків. Фактично й скільки-небудь помітного ореолу засудження цих пороків у мовному матеріалі минулих епох не простежується.

Ключові слова: годування від посади, хабарі, лексика, прислів’я та приказки, ментальність, семантика, словотвір, етимологія.

Шипицына Г. М. Историко-лингвистический взгляд на социальные проблемы современности

В историко-лингвистическом аспекте в данной статье рассмотрена семантика слов с древним корнем *корм* (*кормление, кормильство, кормёж* и др.) со значением „мздоимство, взяточничество”, а также их системное лексическое окружение и корпус народных паремий и афоризмов. Автор приходит к выводу, что в лексиконе и фразеологии русского языка нет языковых средств с прагматикой осуждения и неприятия такого социального порока, как взяточничество. Возможно, в генетической памяти народа сохраняется след семантики словосочетания „кормиться от должности” как права чиновников на поборы от населения.

В качестве вывода предложено следующее умозаключение: лексикон и фразеология русского языка свидетельствуют о том, что в ментальности нашего народа не было сформировано неприятие взяточничества и мздоимства как постыдных, недопустимых социальных пороков. Фактически и сколь-нибудь заметного ореола осуждения этих пороков в языковом материале прошлых эпох не просматривается.

Ключевые слова: кормление от должности, взятки, лексика, пословицы и поговорки, ментальность, семантика, словообразование, этимология.

Shypitsyna G. M. Historical and linguistic perspective on the current social issues

In the historical and linguistic aspect this paper looks into the semantics of words with ancient roots *korm* (feeding) with a value of „bribery, bribery”, as well as their systematic lexical environment, different folk proverbs and aphorisms.

The author comes to the conclusion that the vocabulary and phraseology of the Russian language do not contain the means of expression that condemn such a strong social vice as bribery. Perhaps, the genetic memory of the people retained the trace of the semantics of the words „to be fed through one’s post” as the right of law officials to extortion from the public.

Some of the words are existing very long in the language, but from time to time they may change its value under the influence of socio-cultural conditions of life of native speakers. In the study of the meaning of such words there is a risk of transferring their new semantics to old age, as in modern times they are seen in isolation from its past cultural and semantic environment and are influenced by other lexical-semantic paradigm for the word, and a new halo of its meaning and pragmatists.

Various examples in the paper shows that in a single sound envelope of the word „feeding” two meanings intertwined in the past: „provided by natural products, content, money, etc.” and „to control, to direct, to steer”. However, by the our time second meaning was lost, leading to a narrowing of understanding of the meaning of the word.

Key words: bribery, vocabulary, proverbs, mentality, semantics, word formation, etymology.

Стаття надійшла до редакції 18.01.2013 р.

Прийнято до друку 24.01.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Глуховцева К. Д.